

мерения представленных отношений проявляется изменение чувства страха или смелости, как эмоционального состояния. Именно на такую зависимость обращается особое внимание в психофизиологических исследованиях при изучении сенсорных процессов и эмоциональных состояний. Сущность такой зависимости сводится к закономерности, которая отражает отношение, во сколько раз увеличилось воздействие относительно предшествующего состояния; при этом, возрастанию аргумента в одно и тоже число раз всегда соответствует одно и то же превращение функции. Это приводит к тому, что линейное приближение к предельным границам оптимального функционального состояния вызывает экспоненциальный рост эмоциональных проявлений.

Таким образом, в научных разработках по вопросу исследования страха, как эмоционального состояния, оказывающего существенное влияние на протекание поведенческих актов, при всем противоречии излагаемых фактов, можно выделить ряд важных положений, имеющих убедительное экспериментальное и теоретическое обоснование, которые могут быть использованы в оценке роли страха в профессиональной деятельности и их использования при организации профессионального отбора и оценки текущей функциональной готовности к выполнению оперативно-служебной деятельности вы-

сокой степени риска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изард К.Е. Психология эмоций. –СПб.: Питер, 2000. –460 с.
2. Kagan J., Kearsly R.B., Zelazo R.R. Infancy: It's place in human development. –Cambridge, M.A. Harvard University Press, 1978. –PP.79-84.
3. Мясищев В.Н. Эмоциональный стресс. –М.: Медицина, 1970. –328 с.
4. Мегун Г. Бодрствующий мозг. –М.: Мир, 1995. –211 с.
5. Швырков В.Б. Введение в объективную психологию: Нейрональные основы психологии. –М.: Ин-т психологии РАН, 1995. –165 с.
6. Семиченко В.А. Психология эмоций. –Киев: Магистр-С, 1999. –127с.
7. Коган Б.М. Стресс и адаптация. –М.: Знание, 1980. –63 с.
8. Черепанов Е.М. Психологический стресс. –М.: Ас-А, 1997. –96 с.
9. Абульхамова-Славская Ю.И. Принцип системности в психологических исследованиях. –М.: Наука, 1990.

Поступила в редколлегию 23.07.2002

АРТЕМЬЕВ В.О. СТРАХ ЯК ОБОВ'ЯЗКОВИЙ КОМПОНЕНТ В ОРГАНІЗАЦІЇ ІНДИВІДУАЛЬНОЇ ПОВЕДІНКИ

Розглянуті проблеми оцінки чуття страху в організації індивідуальної поведінки людини.

ARTEM'EV V.A. FEAR AS A MANDATORY COMPONENT IN ORGANIZATION OF PERSONAL BEHAVIOR

The problems of an estimation of feeling of fear in organization of personal behavior of the man are reviewed.

УДК 14:(355.1)+351.73

А.Н. БАРДИН, канд. филос. наук, доц.

Харьковский военный университет

НАСИЛИЕ КАК СУЩЕСТВЕННЫЙ ПРИЗНАК ТЕРРОРИЗМА

Приведен социально-философский анализ насилия как существенного признака терроризма. Раскрыты три типа теорий, объясняющих истоки насилия (насилие из природы человека; насилие из экономических и социальных условий жизни общества; связь насилия с динамикой конфликта). Сделаны акценты на два момента: явный и латентный элементы насилия.

Под терроризмом в широком смысле слова понимается социальное явление, основанное на использовании или угрозе использования насилия в виде террористического акта с целью нагнетания атмосферы страха и безысходности в обществе во имя достижения целей субъектов террористической деятельности. Данный подход позволяет нам обозначить в качестве

основных разновидностей терроризма экономический, духовный и политический.

К существенным признакам терроризма мы можем отнести, во-первых, насилие. Сложились три типа теорий, объясняющих истоки насилия [1]. Первый тип объединяет те концепции, которые выводят насилие из природы человека. Вся история челове-

ской цивилизации связана с насилием. «Первейший закон природы, — писал В. Соловьев, — есть борьба за существование. Вся жизнь природы проходит в непрерывной вражде существ и сил, в их злобных нарушениях и захватах чужого бытия. Каждое существо в нашем мире от малейшей пылинки и до человека всю свою природную жизнь говорит одно: я есть и все остальное — только для меня. Сталкиваясь с другим, оно говорит ему: если я существую, то тебе уже нельзя существовать, тебе нет места со мною. И каждое ... покушается на всех и хочет всех истребить и само всеми истребляется... Противодействие между каждым и всеми неизбежно разрешается гибелью каждого, — враждебная среда, наконец, расторгает его бытие и вытесняет его из жизни, — борьба кончается смертью и тлением...» [2, с.71-72]. При этом подходе предполагается, что существуют врожденные склонности, инстинкты (инстинкт смерти, сексуальный инстинкт), которые подталкивают человека к насилию. К этому типу можно отнести и философские концепции, объясняющие насилие присущей человеку волей к власти, господству. Финский исследователь Т. Ванханен подчеркивает: «Люди должны бороться за власть, т.к. это конечный путь к распределительному контролю над ресурсами» [3, с.17], а, следовательно, и к лучшей жизни.

Второй тип теорий выводит применение насилия из экономических и социальных условий жизни общества. Еще Аристотель указывал на то, что в основе насилия лежит неспособность власти установить равенство в обществе. Экономическое и социальное неравенство порождает дифференциацию общества на группы, общественные классы и соответственно противоречия и борьбу между ними. Карл Маркс, Фридрих Энгельс и их последователи в многочисленных работах обосновывали классовые антагонизмы, существующие в обществе, социальным неравенством и эксплуатацией. Преодоление этих антагонизмов лежит через установление социального равенства или, во всяком случае, смягчение неравенства. Соответственно определяются допустимые пределы разрыва в уровне жизни различных классов для обеспечения стабильности общественной жизни. Немало современных обществоведов также склоняются к выводу о существовании связи между насилием и неравенством. Так, авторы сборника «Неравенство и современные революции» утверждают, что «неравенство присутствует во всех случаях революций и политического насилия» [4, с.6]. Ральф Дарендорф пишет: «Неравенство и власть продолжают быть мощными факторами столкновения интересов и борьбы» [5, с.47]. Б. Рассетт и М. Мидларски провели, независимо друг от друга, исследования, доказывающие, что неравенство в распределении земли в аграрных странах является основным источником социальных потрясений. На материалах 62 стран мира профессор Пак Хан Хун сделал вывод о том, что неравенство в

доходах — важнейшая причина политического насилия. В результате исследования политической истории 49 государств мира также было установлено, что экономическое неравенство порождает политическое насилие. Интересный анализ взаимосвязи между стабильностью и равенством в доходах провел американский исследователь из Университета Аризоны Эдвард Н. Мюллер. На опыте 23 стран, ставших демократическими в 1945-1961 гг., он сделал вывод об обратной связи между неравенством в доходах и стабильностью демократии.

Третий тип теорий связывает насилие с динамикой конфликта. В любом обществе возникают конкурирующие группы — экономические, политические, духовные. Первоначальное состояние конкурирующих групп и личностей — это потенциальный конфликт. Он становится реальным, когда конкурентное состояние персонифицируется, когда друг другу начинают противостоять конкретные индивиды. Это именно та стадия, когда насилие становится весьма вероятным. Конфликт находит свое разрешение в победе одной из конфликтующих сторон. Утверждается новая иерархия. Наступает период адаптации к ситуации. Этот период, когда формируются новые конкурирующие группы. История разрешения конфликта повторяется вновь и вновь.

По мнению П. Шихирева, историю развития социальных конфликтов и применяемых в них форм насилия можно разделить на три основных этапа. Первый связан с применением прямого физического насилия. Первобытный человек стремился уничтожить другого индивида или группу, если они мешали ему жить. В период рабовладения человек дошел до понимания того, что более выгодно не убивать противника, а заставлять его работать на себя. Второй этап — политический. Суть его заключается в доминировании одних социальных групп над другими. На этом этапе действует принцип «согласись, а то убью». Третий, экономический этап основан на широком взаимовыгодном социальном обмене. Главный принцип взаимодействия на этом этапе — «дай это, а я тебе дам то». Параллельно этим трем способам разрешения социальных конфликтов (физическому, политическому, экономическому) формировались идеологические и моральные принципы взаимодействия людей на основе этнических, ценностных и правовых норм.

Развитие мировой цивилизации не избавило человечество от массового насилия и войн. XX век побил все мыслимые и немыслимые рекорды по числу жертв насилия. Только в двух мировых войнах погибло свыше 70 млн. человек, а в различного рода локальных конфликтах — еще около 30 млн. Насчитываются десятки миллионов жертв преступлений против личности.

Обычно насилие имеет две основные трактовки: принуждение и применение физической силы. Кроме

того, в ряде философских работ насилие интерпретируется как ограничение физических и духовных возможностей человека, подавление свободы его воли. В итальянской философской энциклопедии насилие определяется как действие, совершаемое «извне» против спонтанного влечения и естественного движения. П. Рига, Н. Гарвер, Ф. Уэйд подчеркивают, что насилие – это любое ограничение фундаментальных прав человека. Понимание насилия как принудительного ограничения свободы человека отличает и некоторых российских исследователей. Так, Абдусалам Гусейнов определяет насилие как «узурпацию свободной воли» [6, с.9].

Наиболее расширительный подход к насилию отличает тех авторов, для которых оно является синонимом всего того, что наносит ущерб человеку. Так, Х. Гирветц считает насилием «действия индивидов или групп, которые нацелены на нанесение вреда другим» [7, с.185]. Н. Татт также отмечает, что насилие может быть определено как вид «поведения, наносящий вред другим» [8, с.16]. Ш. Стэнэдж называет конкретные проявления этого вреда, начиная с физических оскорблений и отказа от поддержки друга в трудную минуту и заканчивая плохим обращением с кем-либо.

Насилие является, несомненно, одним из конституирующих элементов исторического процесса. Оно сыграло существенную роль в процессе образования империй, завоеваниях, сохранении наличных форм государственности, политических, социальных, экономических революциях, восстаниях, и, с другой стороны, в процессе реализации репрессивных стратегий господствующими структурами. Системный анализ предполагает выяснение функций насилия. Различают так называемое иррациональное и рациональное насилие. Под первым понимается процесс психической разрядки (агрессия), причем объект поддается замене и насилие оказывается самоцелью (катарсисная функция насилия). «Рациональное» насилие, напротив, выполняет ярко выраженную социальную или политическую функцию и является одним средством из многих. Следует различать инструментальное и символическое (или «коммуникативное») насилие. Инструментальное насилие преследует непосредственно конкретную цель. В этой связи примечательной функцией выступает социальный или политический контроль в форме предупреждения или санкций, ориентированных на сохранение наличных форм. Инструментальное насилие используется нередко как средство формирования власти либо ее перераспределения (например, террористический характер ранней фазы итальянского фашизма и ряда движений в развивающихся странах). Наконец, насилие выполняет инструментальную функцию, если используется в целях экзистенциального уничтожения во имя создания религиозной, этнической, расовой или социальной гомогенности общества. Симво-

лическое насилие направлено, напротив, не на осуществление цели, а на придание осмысленности созданного пропагандой определенного образа.

Обилие и, в первую очередь, противоречивость условий, в которых совершается насилие, создают представление об утопическом, абсолютно свободном от насилия обществе. Серьезное неравенство в распределении власти между аппаратом господства и населением (тоталитарная система) может заблокировать насилие, идущее снизу, ценой повышения государственного насилия. Если же власть, напротив, распределена согласно принципу плюрализма и масса населения, пользуясь гражданскими правами, участвует в системе распределения власти, то феномен насилия встречается крайне редко. Свобода может быть институциональным условием насилия (движение протеста), а засорение каналов политической коммуникации может удерживаться идеологическими средствами, по крайней мере, для определенных групп. Несовершенство институтов и амбивалентность мотивов деятельности – один из наиболее существенных причинных факторов любого насилия.

С точки зрения уяснения особенностей насилия при осуществлении террористических деяний нам нужно сделать акцент на два момента: явный и латентный элементы насилия. Явный элемент насилия связан с осуществлением непосредственных террористических актов, в результате которых гибнут люди, рушатся здания, взрываются самолеты, идут под откос поезда и т.д. В этой связи необходимо разобраться, что же представляет собой террористический акт и чем он отличается от иных насильственных действий? Если обратиться к тем временам, когда понятия «терроризм» еще не существовало, а соответствующее ему явление выступало в элементарных, а потому и «чистых» формах, то нетрудно заметить, что террористические акции сводились (или почти сводились) к убийству отдельных высокопоставленных лиц (например, нападение группы вооруженных кинжалами сенаторов на Юлия Цезаря, убийство Равальяком Генриха IV и Фельтоном герцога Букингемского). Эти убийства и были основным типом террористической акции, воплощали специфику террористической деятельности.

В современных условиях резко расширяются объекты террористических покушений и сами формы этих покушений. В арсенал терроризма сегодня входят акции безадресного террора, угоны самолетов и ограбления банков, взятие заложников и поджоги промышленных предприятий и офисов, налеты на казармы, полицейские участки и склады, взрывы в издательствах и помещениях политических партий, массовые уличные бесчинства и нападения из-за угла, диверсии и др. Но становым хребтом всей террористической деятельности продолжает оставаться покушение на жизнь людей. Главной угрозой со стороны террористов остается угроза жизни и безопас-

ности людей. Причем следует отметить, что отличительной особенностью современного терроризма является то, что ему характерен очень частый разрыв между непосредственной жертвой насилия и группой, являющейся объектом воздействия, целью насилия, причем степень жестокости от этого не уменьшается, а, пожалуй, еще больше растет. Как отмечает директор Центра исследований терроризма и политического насилия при университете Святого Андрея (Великобритания) Пол Уилкинсон: «террор радикально отличается от других видов насилия не просто жестокостью, а высшей степенью аморальности, неразборчивости в средствах и неуправляемостью» [9, с.18]. И именно это, прежде всего, взволновало людей в результате террористических актов 11 сентября 2001 года – их безадресность, нечеловеческая жестокость и абсолютная аморальность.

Многие из форм вооруженного насилия, характерных для терроризма, не являются его монопольным достоянием, равно как само по себе их использование не есть свидетельство того, что речь идет именно о террористической практике. Здесь главное в том, с какой целью осуществляются данные насильственные акции. «Терроризм, – справедливо отмечает Я. Шрайбер, – держится не на любом насилии, хотя насилие есть главное и существенное его оружие, но на программных установках» [10, с.98]. Мотивы и направленность важны при анализе террористических действий. Отсюда и еще одна особенность терроризма, которая заключается в том, что он сочетает в себе «высокий уровень политической мотивации с низким уровнем участия масс» [11, с.23].

Латентный элемент насилия связан с тем, что террористический акт запускает механизм принуждения людей делать так, как этого требуют террористы, влиять на государственные структуры с целью реализации на практике тех требований, которые выдвигают террористы, создает в обществе атмосферу страха и безысходности. Томас Гоббс писал о таких последствиях насилия: «...Хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна» [12, с.96]. Осуществлением покушения смысл террористических актов не исчерпывается, и завершением боевой операции они не заканчиваются. Их главное назначение не просто в совершении массовых убийств, устранении отдельных лиц, нанесении материального ущерба и т.д., но в достижении социального резонанса, в устрашении народов и правительств. Терроризм представляет собой не просто форму политического насилия, но и форму политической коммуникации. Если в историческом прошлом исходно присущая терроризму функция запугивания нередко находилась в тени, то с того момента, как терроризм обрел организованный, идеологически обоснованный и систематический характер, эта функция все более отчетливо выдвигается

на первый план. Превентивное устрашение посредством террористических актов распространяется на всех: и рабочих, и банкиров, и клерков в офисе, и чиновника в министерском кресле. Все, абсолютно все, должны ощущать свою незащищенность перед перманентным злом, зыбкость сегодняшнего бытия. Посредством террористических действий в обществе нагнетается истерия страха, безысходности, недоверия к отдельным социальным группам, а порой и целым народам, которые проявляются в росте агрессивности в социуме.

Атмосфера страха достаточно часто порождает рост агрессивности в социуме, злого, деструктивного начала в человеке. Агрессивность свойственна человеку издревле. Так, швейцарец Жан Жак Бабель подсчитал, что за пять с половиной тысяч лет на нашей планете бушевало 14513 войн, унесших более 3,5 млрд. человеческих жизней. «Злое начало», как и «начало доброе» неотъемлемая составная часть мира человеческого. Но для нашего времени характерен феномен коллективного взрыва «злого начала» в людях в такой степени, в какой он никогда до этого еще не проявлялся. «Человеческая природа сама по себе, независимо ни от каких внешних факторов, обладает элементом деструктивности, ... сущность и динамика этой деструктивности могут быть поняты только на базе исследования самой этой природы и что только таким путем может быть найден эффективный способ положить конец всем проявлениям насилия в жизни общества», – отмечают американские философы Н. Зинберг и Г. Феллман [13, с.223]. Терроризм является одним из тех спусковых механизмов, которые репродуцируют рост агрессивности и насилия в социуме, нарастание диссипативных процессов.

Как видим, акцентирование внимания на явном и латентном компоненте террористической деятельности позволяет нам зафиксировать следующее заключение: явный компонент террористических действий в большой степени позволяет показать инструментальную функцию террористического акта как явления видового по отношению к насилию; латентный компонент позволяет показать генезис и динамику такого явления как нарастание страха, безысходности в социуме, рост энтропийных процессов в нем. Безусловно, выделение в структуре террористической деятельности двух выше обозначенных компонент условно, так как в реальной практике все переплетено и взаимообусловлено, но с гносеологической точки зрения это представляет определенный интерес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скворцов Л.В. Общество и насилие. -URL: <http://www.politic.donetsk.ua/terror/terror013.shtml>
2. Соловьев В. Духовные основы жизни. –Нью-Йорк, 1958. –144 с.
3. Vanhanen T. Power and the Means of Power. – Ann-Arbor: University Microfilms International, 1979.

-Arbor: University Microfilms International, 1979.

4. Inequality and Contemporary Revolutions /Ed. by M. Midlarsky. -Denver (Col.): University of Denver, 1986.

5. Dahrendorf R. The Modern Social Conflict: an Essay on the Politics of Liberty. -London: Weidenfeld and Nicolson, 1988.

6. Гусейнов А. Моральная демагогия как форма апологии насилия // Вопросы философии. -1995. -№ 5. -С.5-12.

7. Reason and Violence: Philosophical Investigations /Ed. by Sh. Stangor. - Oxford: Basil Blackwell, 1974.

8. Violence /Ed. by N. Tatt. -London: Her Majesty's

Stationary Office, 1976.

9. Wilkinson P. Political Terrorism. -London, 1974.

10. Schreiber J. The Ultimate Weapon. -London, 1978.

11. Rubinstein R. Alchemists of Revolution Terrorism in the Modern World. -N.Y., 1987.

12. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского: Соч. в 2 т. -М.: Мысль, 1991. -Т.2. -735 с.

13. Zinberg N. and Fellman G. Violence: Biological Need and Social Control. -Baltimore, 1970.

Поступила в редколлегию 09.07.2002

БАРДИН О.М. НАСИЛЬСТВО ЯК ІСТОТНА ОЗНАКА ТЕРОРИЗМУ

Наведено соціально-філософський аналіз насильства як істотної ознаки тероризму. Розкрито три типи теорій, що пояснюють джерела насильства (насильство з природи людини; насильство з економічних і соціальних умов життя суспільства; зв'язок насильства з динамікою конфлікту). З погляду з'ясування особливостей насильства при здійсненні терористичних діянь зроблені акценти на два моменти: явний і латентний елементи насильства.

BARDIN A.N. VIOLENCE AS ESSENTIAL TAG OF TERRORISM

The social - philosophical analysis of violence as essential tag of terrorism is adduced. Three types of the theories which are accounting for sources of violence (violence from human nature are uncovered; violence from economical and social living conditions of the society; connection of violence with dynamics of the conflicting). The accents on two moments are made: obvious and latent members of violence.

УДК 316.33

А. ДЖ. БЕК*, **Ю.Б. ЧИСТЯКОВА****, **А.В. ПОВОЛОЦКИЙ****,
А.Н. ЯРМЫШ**, докт. юрид. наук, проф.,
И.П. РУЩЕНКО**, докт. соц. наук, доц.

Лестерский университет (Великобритания)
Национальный университет внутренних дел***

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МИЛИЦИЕЙ И НАСЕЛЕНИЕМ В УКРАИНЕ: ДАННЫЕ И АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКО-БРИТАНСКОГО ПРОЕКТА¹

Рассмотрены сложившиеся в настоящее время отношения между милицией и населением в Украине, как одном из постсоветских государств. Используются результаты массового опроса населения и сотрудников милиции в городе Харькове и Харьковской области, который выявил высокий уровень недоверия населения по отношению к милиции, в том числе, - высокую степень обеспокоенности коррупцией, злоупотреблением властью и неуважительным отношением милиции к людям. Рассмотрены перспективы улучшения отношений между милицией и населением в постсоветских государствах.

В Великобритании успех деятельности полиции во многом зависит от помощи населения, и в особенности от тех потерпевших, кто сообщает в поли-

цию о совершенном преступлении и помогает в поиске правонарушителей (Mawby, 1979, 1999). Действительно, согласно некоторым источникам, 3/5 от

¹ Introducing Context-Driven Community Policing in Ukraine /2000.